

INSPIRIA

СИЛЬВЕЙН РЕЙНАРД

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
NEW YORK TIMES

Читайте книгу –
смотрите сериал
от Passionflix

18+

ИСКУПЛЕНИЕ ГАБРИЕЛЯ

Эта история разобьет ваше сердце

 INSPIRIA

Сильвейн Рейнард
Искупление Габриеля
Серия «Passion. Инферно
Габриеля», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8388351

С. Рейнард. Искупление Габриеля: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-115408-0

Аннотация

Перед вами третья часть цикла про любовные отношения студентки Джулии и профессора Габриеля Эмерсона, ради которой он уходит из университета. Впереди новая жизнь, и влюбленные готовы к любым испытаниям, которые готовит для них судьба.

Джулии предстоит выступить с лекцией в Оксфорде, где не все приветствуют ее роман с профессором. Самая темная тайна Габриеля под угрозой раскрытия, но он не собирается сдаваться. Пытаясь узнать больше о своих биологических родителях, Габриель запускает цепь событий, последствия которых необратимы.

«Очень трудно не привязаться к мрачному и таинственному Габриелю, по которому вы обязательно будете пускать слюни». —
Waves of Fiction

Содержание

Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сильвейн Рейнард

Искупление Габриеля

Sylvain Reynard
Gabriel's Redemption

© 2013 by Sylvain Reynard

© Иванов И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Моим читателям с благодарностью

*Надежда, – я сказал, – есть ожиданье
Грядущей славы; ценность прежних дел
И благодать – его обоснованье.*

*Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай. Песнь
25, стихи 67–69¹*

¹ Перевод М. Лозинского. – Здесь и далее прим. перев.

Данте и Беатриче восходят к сфере Марса. Гравюра Гюстава Доре, около 1868 г.

Пролог

Флоренция, 1292 год

Поэт оторвался от стола и взглянул в окно на свой любимый город. Прекрасные здания и улицы звали к нему, но голоса их были глухими. Казалось, великий свет угас не только над городом, но и над всем миром.

«Quomodo sedet sola civitas plena populo! Facta est quasi vidua domina gentium...»²

Его глаза медленно скользили по стихам «Плача Иеремии», начальные строки которого он только что произнес вслух. Увы, слова древнего пророка не передавали всей безмерности скорби, владевшей поэтом.

– Беатриче, – прошептал он, и у него сдавило сердце.

Даже сейчас, спустя два года после ее смерти, ему было трудно описывать свою утрату.

Она навсегда останется юной и благородной. Его вечной музой. Все поэзии мира не поведают о его преданности Беатриче. Но во имя памяти, во имя их любви он предпримет такую попытку.

² «Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! Он стал, как вдова; великий между народами...» Плач Иеремии, глава 1, стих 1.

Глава 1

Июнь 2011 года. Селингсгроув, штат Пенсильвания

Профессор Габриель Эмерсон стоял в дверях кабинета, засунув руки в карманы, и с нескрываемой страстью смотрел на свою жену. Он был рослым, атлетически сложенным мужчиной с запоминающейся внешностью и ярко-синими сапфировыми глазами.

Они познакомились, когда ей было семнадцать (ему – на десять лет больше). Габриель влюбился в нее с первого взгляда. Потом время и обстоятельства разлучили их. Не последнюю роль в этом сыграл его необузданный богемный образ жизни.

Но небеса оказались к ним благосклонны. Через шесть лет они вновь встретились в Торонто, когда она пришла аспиранткой на его поток. Их отношения возобновились, получили дальнейшее развитие, и через полтора года они поженились. Завершался шестой месяц их супружеской жизни, а любовь Габриеля к жене только крепла. Он завидовал воздуху, которым она дышала.

Габриель и так достаточно долго ждал того, чем собирался заняться. Скорее всего, жену требовалось соблазнить, а Габриель был опытным соблазнителем и этим очень гордился.

Пространство дома наполняли звуки «Mango» – песни

Брюса Кокберна. Мелодия навевала воспоминания о Белизе, куда они ездили еще до женитьбы. Им понравилось заниматься любовью под открытым небом, в разных местах, включая пляж.

Джулия сидела за письменным столом, не замечая ни музыки, ни пристального взгляда мужа. Она стучала по клавишам ноутбука. Вокруг громоздились книги и две коробки бумаг, которые Габриель услужливо принес ей с первого этажа. Когда-то этот дом принадлежал его родителям, а теперь являлся летней резиденцией супругов Эмерсон.

В Селингроув они приехали неделю назад – передохнуть от напряженной жизни в Кембридже, штат Массачусетс. Габриель занимал должность профессора в Бостонском университете. Джулия недавно закончила первый курс докторантуры. Ее руководительницей была замечательная женщина, блестящий ученый, много лет проработавшая в Оксфорде. Уехать в Селингроув супругов Эмерсон заставило не только желание передохнуть. В их доме на Гарвард-сквер шел грандиозный ремонт, создававший невыносимые условия для жизни.

Еще до их приезда в Селингроув старый дом Кларков подвергся коренной реконструкции, замысел которой был тщательно разработан Габриелем. Большая часть мебели, оставленная здесь Ричардом (его приемным отцом), перекочевала на склад. Если эстетические вкусы Габриеля тяготели к темному дереву и коже сочных коричневых тонов, Джу-

лия предпочитала яркие цвета, как в домах на морском побережье. Ей нравились белые стены, белая мебель и насыщенно-синие тона интерьера.

В кабинете Джулия повесила репродукции картин, украсившие их дом на Гарвард-сквер: «Встречу Данте и Беатриче на мосту Санта-Тринита» Генри Холидея, «Весну» Боттичелли и «Мадонну с младенцем и двумя ангелами» Филиппо Липпи, на которую сейчас и был устремлен пристальный взгляд Габриеля.

Можно сказать, что эти картины иллюстрировали стадии отношений супругов Эмерсон. Первая символизировала их встречу и нарастающую страсть, которая охватила Габриеля. Вторая – стрелу Купидона, поразившую Джулию прямо в сердце, когда в первый день аспирантских занятий Габриель ее не узнал, а также их последующие бурные отношения и женитьбу. Лик Мадонны на картине Филиппо Липпи выражал чаяния Габриеля.

Вот уже третий вечер подряд Джулия плотно занималась подготовкой к своей первой публичной лекции, которую через месяц ей предстояло прочесть в Оксфорде. Четыре дня назад они занимались любовью прямо на свежавыкрашенном полу спальни, поскольку мебель им еще не привезли.

Оба измазались краской, и Джулия решила, что отныне «телесная живопись» станет их любимым развлечением.

Воспоминания о том вечере и нарастающий темп музыки подхлестывали Габриеля. Его терпение иссякало. Как-никак

они молодожены, и он не позволит Джулии игнорировать выполнение супружеских обязанностей.

Габриель на цыпочках подкрался к жене, отвел ее длинные волосы и приложился к шее. Легкая щетина на щеке делала поцелуи более страстными.

– Идем, – прошептал он.

Кожа Джулии покрылась пупырышками. Длинные тонкие пальцы Габриеля плавно скользили по ее шее. Он ждал.

– Я еще не закончила с лекцией, – поворачивая к мужу свое прекрасное лицо, сказала Джулия. – Не хочу разочаровывать профессора Пиктон. Как-никак это она меня туда пригласила. Среди участников я самая молодая.

– Ты ее не разочаруешь. И времени на лекцию у тебя еще предостаточно.

– Время мне нужно не только на лекцию. Надо ведь и дом привести в порядок. Через два дня приедут твои родственники. – Они не мои родственники, – сверкнул глазами Габриель. – Они – наши родственники. А для уборки я найму прислугу. Бери плед и идем.

Обернувшись, Джулия увидела очень знакомый плед. Он висел на спинке белого мягкого стула, стоявшего у окна. За окном темнели кусты, которые росли по периметру двора.

– Я буду тебя охранять.

Габриель помог ей встать, обнял за талию и прижал к себе.

Сквозь тонкое летнее платье она почувствовала тепло его тела. Приятное, будоражащее тепло.

– И что тебя так тянет в этот сад, когда темно? – задала провокационный вопрос Джулия.

Она сняла с мужа очки и положила на стол. Габриель и без очков смотрел на нее так, что его взгляд мог бы растопить снег.

– Когда я внутри тебя, мне хочется видеть, как лунный свет разливается по твоему обнаженному телу, – прошептал Габриель.

Он слегка закусил ей мочку уха, а затем стал целовать ее шею.

От его поцелуев и покусываний сердце Джулии забилось еще сильнее.

– Декларация желания, – прошептала она.

Только сейчас она услышала музыку, а ноздри уловили запах Габриеля – смесь мяты и одеколона «Арамис».

Габриель отпустил ее, как кот ненадолго отпускает мышь, продолжая следить за каждым движением.

– Думаю, Гвидо да Монтефельтро немного подождет, – сказала Джулия, поглядывая на свои тезисы.

– Уже более семисот лет он обитает на том свете. Уж что-то, а ждать он научился.

Джулия ответила мужу улыбкой и взяла его протянутую руку.

Они спустились вниз и пошли через двор. Настроение Габриеля заметно улучшилось.

– Ты когда-нибудь раньше занималась любовью в саду? –

игривым тоном спросил он. Джулия вытаращила глаза и покачала головой. – Тогда я рад, что я у тебя первый.

– Габриель, ты у меня последний, – возразила она, стискивая ему руку. – Ты мой единственный.

Габриель быстро пересек двор и, когда они вошли в сад, включил фонарик. Габриель шагал впереди, указывая Джулии корни и кочки.

Июнь в Пенсильвании выдался очень теплым. Листва деревьев и высоких кустов почти не пропускала свет луны и звезд. Весело щебетали вечерние птицы. Неутомимо стрекотали кузнечики.

Вскоре они оказались в центре сада, который успел зарастить и сейчас больше напоминал цветочный луг. В дальнем конце темнели силуэты старых яблонь. Позади них Габриель посадил новые. Саженьцы прижились и теперь тянулись к небу.

Напряжение, владевшее Габриелем, начало спадать. Может, это место действительно было священным, ибо всякий раз, придя сюда, он успокаивался.

Джулия наблюдала за его приготовлениями. Габриель аккуратно расстелил плед, затем выключил фонарик. Их сразу же окружила бархатная темнота. Полная луна скрыла свой лик за стайкой облаков. Над головой перемигивались островки звезд.

Прежде чем снять с жены платье, Габриель коснулся ее рук и скромного выреза.

– Как мне это нравится, – прошептал он.

Он неспешно любовался красотой Джулии, заметной даже в сумерках: изгибами ее скул, линией рта и большими выразительными глазами. Потом он осторожно приподнял ей подбородок, и их губы соединились.

Это был поцелуй пылкого любовника, возвещавшего о своем желании. Габриель прижал к себе миниатюрное тело Джулии. Его пальцы заблудились в ее мягких каштановых волосах.

– А вдруг нас кто-нибудь увидит? – настороженно спросила Джулия, прежде чем засунуть свой язык в его рот.

Она ласкала мужа и ждала ответа.

– Это частная территория, – сказал Габриель. – И потом, как ты верно заметила, сейчас темно.

Он коснулся ямочек на ее щеках, словно те были его любимыми опознавательными знаками, а потом его руки скользнули к плечам Джулии. Он медленно снял с нее платье, и оно упало на плед. Одним молниеносным движением Габриель расстегнул ее лифчик.

Эти движения опытного любовника слегка рассмешили Джулию. Она прижала к себе свой черный кружевной лифчик, довольно прозрачный и оттого еще более сексуальный.

– А у тебя это здорово получается, – заметила она.

– Что именно? – спросил Габриель, ласкавший груди жены сквозь кружевную ткань.

– Снимать лифчики в темноте.

Ответом ей было подчеркнутое молчание Габриеля. Он не любил, когда ему напоминали о прошлом.

Джулия встала на цыпочки и поцеловала мужа в острый подбородок:

– Я ведь не жалуюсь. Как-никак теперь все твое умение достается мне.

Габриель слегка сжал ей груди:

– Джулианна, отдаю должное твоему белью, но сейчас я предпочитаю видеть тебя обнаженной.

– Сомневаюсь, что мы выбрали подходящее место, – сказала она, внимательно оглядывая сад. – Мне все время кажется, что сюда кто-то ворвется.

– Посмотри на меня. – (Она послушно посмотрела на него.) – Мы здесь совершенно одни. А от зрелища твоего обнаженного тела у меня захватывает дух.

Габриель оставил в покое груди жены, и его руки отправились странствовать по холмам и долинам, ведущим к ее бедрам. Прикосновения были легкими, едва ощутимыми.

– Я тебя заслону, – пообещал он.

– Чем? Этим пледом?

– Своим телом. Даже если кто-нибудь и набредет на нас, обещаю: я не позволю никому любоваться тобой.

Уголки ее губ приподнялись в улыбке.

– Ты все продумываешь.

– Просто я думаю о тебе. А ты для меня – все.

Губы Габриеля прильнули к ждущим губам Джулии. Кру-

жевной лифчик наконец-то полетел вниз. Габриель неторопливо и даже чуть лениво путешествовал внутри ее рта. Затем для Джулии настал черед расстаться с трусиками.

Теперь его Джулия стояла полностью обнаженной. В их саду.

«Боги садового секса, – мысленно взывала Джулия, – пожалуйста, сделайте так, чтобы никто нам не помешал».

Она сняла с Габриеля рубашку. Несколько секунд поиграла завитками волос на его груди, после чего расстегнула его пояс.

Вскоре и Габриель освободился от одежды. Он обнял Джулию, и она невольно вздохнула.

– Хорошо, что вечер теплый, – прошептал он. – А то у нас только один плед.

Улыбаясь, Джулия легла. Габриель накрыл ее своим телом, осторожно сжав ладонями ее лицо. Даже в темноте его глаза оставались пронзительно-синими.

– «Ее, зардевшуюся, как заря, повел я в кущу брачную; влиянье благоприятное дарили нам все небеса и сочетанья звезд счастливые...»³

– «Потерянный рай», – прошептала Джулия, трогая щетину на его подбородке. – Но в этом месте я могу думать только про обретенный рай.

– Зря мы не поженились здесь. Вот где мы должны были

³ Джон Мильтон. Потерянный рай. Книга 8, стихи 510–511. Перевод Аркадия Штейнберга.

впервые познать друг друга.

– Зато мы пришли сюда сейчас, – сказала Джулия, глядя его волосы.

Габриель снова поцеловал жену. Она с радостью ответила на его поцелуй. Вспыхнувшая страсть набирала силу.

За месяцы супружеской жизни их желание не притупилось, равно как и их занятия любовью не обрели черт привычности. Все слова превращались в движения и ласки благословенной телесной любви.

Габриель знал все любовные стадии своей жены: пробуждение желания, любовную взбудораженность, нетерпение и мгновения экстаза. Они занимались любовью, окруженные темнотой и зеленым покровом жизни.

Старые яблони, помнившие более целомудренную любовь этой пары, сейчас деликатно отводили взгляд.

Когда наконец шквал страстей утих и к ним вернулось спокойное дыхание, Джулия лежала на пледе, ощущая себя невесомой, и с восхищением разглядывала узоры звезд.

– А у меня кое-что есть для тебя, – вдруг сказал Габриель.

Он нашарил фонарик, включил, чтобы отыскать брюки, а затем повесил на шею Джулии что-то прохладное. Нагнув голову, она увидела ожерелье, составленное из колечек. С него свисали три талисмана в виде сердца, яблока и книги.

– Какая красота, – выдохнула Джулия, поочередно касаясь всех предметов.

– Из Лондона. Серебро. Только сердце золотое. Оно оли-

цветворяет нашу встречу.

– А книга?

– На ее обложке выгравировано: «Данте».

Джулия озорно взглянула на мужа:

– Неужели я забыла о какой-то дате?

– Нет. Мне просто нравится делать тебе подарки.

Джулия крепко его поцеловала. Габриель повернул ее на спину и погасил фонарик.

Когда они вновь утолили свою страсть, он коснулся плоского живота Джулии, поцеловав впадинку под своим пальцем:

– А сюда я хочу поместить своего ребенка.

Эхо вернуло из темноты его слова.

– Что? – переспросила Джулия, застыв от изумления.

– Я хочу зачать с тобой ребенка.

У нее перехватило дыхание.

– Так рано?

– Мы никогда не знаем, сколько времени нам отпущено, – сказал Габриель, задумчиво водя пальцем по ее коже.

Джулия подумала о Грейс – приемной матери Габриеля – и о своей родной матери, которую звали Шарон. Обе женщины умерли далеко не старыми, но при разных обстоятельствах.

– Данте потерял Беатриче, когда той было двадцать четыре года, – продолжал Габриель. – Для меня потерять тебя – это был бы конец всему.

– Перестань говорить страшные вещи. – Джулия погладила ему ямочку на подбородке. – Особенно здесь, на празднике нашей любви.

Габриель густо поцелуями ее живот, затем лег на бок.

– Я почти пережила возраст Беатриче, и я здорова. – Джулия дотронулась до татуировки на его груди: кровоточащего сердца, внутри которого было начертано женское имя. – Ты боишься повторения истории с Майей?

– Нет, – сухо ответил Габриель, но его напрягшееся лицо говорило другое.

– Твои опасения вполне оправданны.

– Я знаю, что она счастлива.

– Я тоже в это верю.

– Ты хотела еще что-то сказать? – спросил Габриель, уловивший в ее тоне недоговоренность.

– Я думала о Шарон.

– И что?

– Такой матери, как она, не хочется подражать.

– Ты будешь прекрасной матерью, – заверил жену Габриель, целуя ее в губы. – Ты добрая, любящая и терпеливая.

– Не уверена, что у меня все получалось бы правильно.

– Но ты же не одна. Мы бы оба искали решения. Уж если кому и беспокоиться, так это мне. Мои настоящие родители – классический пример неблагополучной семьи. Да и я сам вел отнюдь не благочестивую жизнь.

Джулия покачала головой:

– Ты замечательно ладишь с малышом Тэмми. Даже твой брат это признает. Но нам с тобой еще рано думать о ребенке. Мы женаты всего полгода. И потом, мне хочется защитить докторскую диссертацию.

– Если помнишь, я ведь не возражал, – заметил Габриель, проведя пальцем по ребрам Джулии.

– Супружеская жизнь – это замечательно. Но нам обоим нужно к ней привыкнуть.

– Согласен. – Палец Габриеля замер. – Однако мы должны думать и о будущем. Чем раньше я начну консультироваться с врачами, тем лучше. С тех пор как я сделал вазэктомию, прошло достаточно времени. Кто знает, сумею ли я вернуть детородную функцию.

– Но ведь это не единственный для нас способ иметь детей. Есть и другие варианты. Наконец, мы могли бы взять ребенка из францисканского сиротского приюта во Флоренции... Когда настанет время.

В словах Джулии звучала надежда.

Габриель отвел прядь волос с ее лица:

– Мы можем испробовать все варианты. После конференции я хочу забрать тебя в Умбрию. Побудем там до открытия флорентийской выставки. Но когда мы вернемся из Европы, я намерен встретиться со своим врачом.

– Хорошо.

Габриель притянул жену к себе. Теперь Джулия лежала

на нем. Он дотронулся до ее бедер, и по ее телу пронесся странный электрический разряд.

– Когда ты будешь готова, мы начнем пробовать варианты.

– Нам понадобится обширная практика, – улыбнулась

Джулия.

– Вне всякого сомнения.

Глава 2

На следующее утро Джулия проснулась очень рано, когда еще только начало светать. В спальне было тихо, если не считать мерного дыхания спящего Габриеля и отдаленного щебетания птиц.

Джулия натянула одеяло к подбородку и закрыла глаза, заставляя свое дыхание успокоиться. Но от ее усилий кошмарные видения недавнего сна сделались лишь ярче.

Ей снилось, что она в Гарварде. Она бежала по кампусу, разыскивая здание, где должна была сдавать выпускной экзамен на степень доктора. Она то и дело останавливалась и спрашивала встречных, но никто и понятия не имел, в каком месте проводится этот экзамен.

Потом она услышала детский плач и ужаснулась: неизвестно откуда у нее на руках оказался младенец. Джулия прижала его к груди и попыталась успокоить, однако ребенок продолжал плакать.

В следующее мгновение она вдруг увидела перед собой профессора Мэтьюса – декана своего факультета. Слева от него, на стене, – бумажный лист с крупной стрелкой, указывающей аудиторию, где проходил выпускной экзамен. Аудитория была совсем рядом, но Мэтьюс загородил собой дверь, заявив, что дети на экзамен не допускаются.

Джулия стала возражать. Она обещала, что успокоит ре-

бенка и тот будет молчать. Она умоляла Мэтьюса дать ей шанс. От этого экзамена зависело, получит ли она степень доктора и станет ли специалистом по Данте. В противном случае ей грозило отчисление из докторантуры.

Как назло, младенец у нее на руках заплакал еще громче. Профессор Мэтьюс нахмурился, кивнул в сторону лестницы и велел Джулии уйти.

Почувствовав на себе руку Габриеля, Джулия решила, что он тоже проснулся. Нет, Габриель продолжал спать. Должно быть, он поймал импульсы ее отчаяния и инстинктивно протянул руку, стараясь ее успокоить. Джулия смотрела на мужа со смешанным чувством любви и тревоги. Ее тело все еще дрожало после кошмарного сна.

Встав, она проковыляла в ванную, включила свет и пустила душ, надеясь, что горячая вода ее успокоит.

Ярко освещенная ванная отчасти разогнала тьму, скопившуюся внутри.

Стоя под душем, исторгавшим настоящий тропический ливень, Джулия изо всех сил старалась забыть и кошмарный сон, и тревоги, одолевавшие ее наяву: лекцию, скорый приезд родственников и внезапное желание Габриеля завести ребенка.

Пальцы Джулии теребили серебряное ожерелье – его вчерашний подарок. Она знала, что Габриель хочет детей от нее. Об этом они достаточно много говорили еще до помолвки и тогда же согласились обождать, пока Джулия не закон-

чит докторантуру. То есть оба согласились на пять или даже шесть бездетных лет.

«Тогда почему вчера Габриель вдруг заговорил о детях?» – подумала Джулия.

Ей вполне хватало учебы. В сентябре начнутся занятия и постепенная подготовка к выпускным экзаменам, которые ей сдавать на следующий год.

Но сейчас ее главной заботой была оксфордская лекция, до которой оставались считанные недели. В прошлом семестре, занимаясь у профессора Маринелли, Джулия написала реферат по творчеству Гвидо да Монтефельтро. Руководительнице ее работа понравилась. О реферате узнала профессор Пиктон и стала убеждать Джулию отправить в Оксфорд тезисы своей лекции.

Тезисы одобрили, чему Джулия была несказанно рада. И в то же время она замирала при мысли, что ей придется выступать перед целой аудиторией дантоведов, читать лекцию тем, кто был гораздо опытнее и эрудированнее ее.

И вдруг Габриель заявляет, что в августе, после возвращения из Европы, он намерен вернуть себе способность к деторождению.

«А что, если его попытка окажется успешной?»

Джулия почувствовала себя виноватой. Конечно же, она хочет ребенка от Габриеля. Она знала: устранение результатов вазэктомии – это не просто физиологическая процедура. Это еще и символ его самопрощения, означавший, что

трагедия Майи и Полины более не будет тяготеть над ним. Габриель считал себя достойным стать отцом и воспитывать детей.

Они оба молились о детях. После свадьбы они посетили гробницу святого Франциска, и каждый спонтанно помолился, прося Бога благословить их брачный союз и послать им детей.

«Если Бог желает ответить на наши молитвы, как я могу сказать ему: „Обожди“?»

Джулия упрекала себя за эгоизм. Наверное, рождение ребенка ей следовало поставить выше докторантуры и карьеры. Гарвард от нее не уйдет. Примеров было более чем достаточно. Обзаведясь детьми, многие женщины потом продолжали учебу и научную деятельность.

«А если Габриель не хочет ждать?»

Он был прав, когда вчера напомнил ей о краткости жизни. Смерть Грейс – наглядное тому подтверждение. Как только Габриель восстановит способность к зачатию, он, скорее всего, не станет мешкать. Посмеет ли она сказать ему «нет»?

Габриель был подобен всепоглощающему пламени. Его желания и страсти, казалось, подминали под себя желания тех, кто его окружал. Как-то он сказал Джулии, что она единственная, кто отважился сказать ему «нет». Скорее всего, он был прав.

Сможет ли она воспротивиться искреннему, выстраданному желанию мужа иметь детей? Джулией овладело стрем-

ление сделать Габриеля счастливым, даже если для этого ей придется пожертвовать своими планами и мечтами.

Перед ней пронеслись картины собственного детства. Жизнь с Шарон в Сент-Луисе, бедность, заброшенность. Все изменилось, когда она пошла в школу, где стала делать успехи. Ее интеллект и самодисциплина очень помогли ей, когда она поступила в Университет Святого Иосифа и потом, во время аспирантуры в Торонтском университете.

Ее первый год в Гарварде тоже был успешным. Неужели она должна все это бросить? Сейчас весьма неподходящее время, чтобы беременеть и рожать.

Закрыв лицо руками, Джулия просила Бога дать ей силы.

* * *

Через несколько часов проснувшийся Габриель в футболке с эмблемой Гарварда и шортах вошел на кухню. В руках он держал кроссовки и носки. Габриелю хотелось пить. Он потянулся к холодильнику за водой и только сейчас заметил Джулию. Его жена сидела на кухонном острове, обхватив руками голову.

– Вот ты где, – сказал Габриель, бросая носки и кроссовки на пол. Он крепко поцеловал Джулию. – А я проснулся, смотрю – тебя нет.

У Джулии под глазами темнели круги. Вид у нее был усталый и расстроенный.

– Что-то случилось?

– Ничего. Я навела порядок на кухне и в холодильнике. Сейчас корплю над списком продуктов.

Она показала на большой лист бумаги, исписанный ее ровным почерком. Рядом с листом стояла недопитая чашка давно остывшего кофе и лежал еще один лист – со списком текущих дел.

Габриель обвел глазами сверкающую кухню. Даже пол был отмыт до блеска.

– Сейчас только семь часов. Не рановато ли ты занялась уборкой?

– У меня полным-полно дел, – сказала Джулия.

Судя по ее голосу, делами она занималась через силу.

Габриель взял ее за руку, провел большим пальцем по ладони:

– У тебя усталый вид. Ты плохо спала?

– Я очень рано проснулась и никак не могла снова заснуть. Вот и занялась уборкой. Мне еще нужно убрать в комнатах и в ваннах. Потом надо будет отправиться в магазин и решить, чем кормить гостей. И... – Она шумно и тяжело вздохнула, содрогнувшись всем телом.

– И что еще? – спросил Габриель, наклоняясь, чтобы видеть ее глаза, бегавшие по списку дел.

– Нельзя расхолаживаться. Я даже одеться не успела.

Она затянула кушак своего бледно-голубого шелкового халата и собралась встать, но Габриель усадил ее обратно:

– Тебе незачем тратить силы на уборку. Я обещал найти уборщицу, значит, найду. И в магазин съезжу после пробежки.

– Ты мне очень поможешь. Спасибо. – Ее плечи слегка расслабились.

– Иди и ляг. Я давно не видел тебя такой уставшей, – сказал Габриель, глядя жену по щеке.

– У меня еще столько дел, – прошептала она.

– Ими займусь я. А тебе нужно готовиться к лекции, – напомнил Габриель, сопроводив свои слова легкой улыбкой. – Но вначале поспи. Усталый мозг – работник никудышный. – Он снова поцеловал Джулию, после чего сам отвел ее наверх, уложил в постель и укрыл одеялом. – Понимаю, мы впервые пригласили сюда гостей. Но из-за них ты не должна превращаться в горничную. Мне совсем не хочется, чтобы наша родня выбивала тебя из рабочего графика. Сегодня ты весь день будешь заниматься своей лекцией. Об остальном забудь. Остальным займусь я. – Поцеловав ее в лоб, Габриель выключил свет и ушел.

* * *

Во время пробежек Габриель обычно слушал музыку, но сегодня ему было не до его любимых композиций. Джулианна переутомилась, и это видно невооруженным глазом. Она не любила рано вставать, а сегодня, похоже, поднялась ни

свет ни заря.

Можно было бы повременить с приглашением родственников. Пусть спокойно готовилась бы к лекции. Сейчас – единственное время, когда они могли остаться вдвоем. Потом – Оксфорд и Италия, где они пробудут бо́льшую часть лета.

Габриель забыл, сколько времени и сил отнимают гости. Он никогда не приглашал к себе более двух человек. Всеми бытовыми хлопотами занималась прислуга. Его доходы позволяли возить гостей на обед в рестораны.

Бедняжка Джулианна. Габриель вспомнил свои годы, проведенные в Гарварде. Летние каникулы никогда не были временем отдыха. Обязательно находились какие-нибудь дела. Нужно было учить языки и готовиться к экзаменам.

Как хорошо, что сейчас он преподаватель, а не аспирант. Он бы ни за что не согласился поменяться с Джулией местами. В годы его аспирантуры тяготы учебы усугублялись попойками, кокаином и П...

Носок кроссовки уткнулся в поребрик тротуара. Габриель споткнулся, но удержал равновесие и быстро выровнял темп бега, заставив себя смотреть под ноги.

Он не любил вспоминать о времени, проведенном в Гарварде. Теперь, когда они с Джулией поселились в Кембридже, на него нахлынули былые воспоминания о наркотиках. Порой Габриелю казалось, что он чует запах кокаина, проникающий в ноздри. Проезжая по кампусу или входя в то

или иное здание, он вдруг испытывал острое, болезненное желание «вмазаться».

До сих пор, слава богу, ему удавалось противостоять этим атакам. Еженедельные встречи в обществе «Анонимные наркоманы» помогли ему справиться с зависимостью, равно как и ежемесячные встречи с психотерапевтом.

И конечно же, его главным лекарством была Джулианна.

Если в прошлом году в Ассизи Габриель ощутил, как на него снизошла высшая сила, то Джулия стала его настоящим ангелом-хранителем. Она любила его, вдохновляла. Она сделала его жилище настоящим домом. И все же Габриелю было не отделаться от страха, что благосклонность небес не более чем временная уловка, а потом Джулию у него отнимут.

С той поры как Джулианна пришла на его поток в Торонтском университете, Габриель разительно изменился. Однако ему было никак не побороть ощущение, что он недостоин постоянного счастья. Самосаботаж стал его поведенческим шаблоном. Психотерапевт предупреждал его об этом.

Почти два года назад от рака умерла его приемная мать Грейс. Ее преждевременная смерть явилась впечатляющим символом скоротечности и неопределенности человеческой жизни. Если вдруг случится так, что он потеряет Джулианну...

«Если у вас с ней будет ребенок, ты ее не потеряешь».

Тихий, спокойный голос, звучащий у него внутри.

Габриель увеличил скорость бега. Голос был прав, но же-

ланием иметь детей от Джулианны двигал не страх ее потерять. Габриелю хотелось иметь настоящую семью, хотелось, чтобы в доме звенел детский смех, а в душе крепла уверенность, что его дети получат все, чего не получил он от своих непутевых родных отца и матери.

Габриель ничего не рассказывал Джулии о бурях, бушевавших у него внутри. Ей и так хватало забот, чтобы добавлять к ним свои. Она достаточно поволновалась из-за его зависимостей и страхов, не говоря уже о душевной боли, которую он причинил ей.

Бегая по знакомым местам, Габриель пытался понять, почему сегодня утром у Джулии был такой несчастный, измученный вид. Вчера они провели потрясающую ночь, празднуя свою любовь в старом саду, а затем продолжили дома, в постели. Может, он ненароком сказал ей что-то обидное? Может, ее задело что-то в его действиях? Но их занятия любовью, как и всегда, были страстными и нежными.

Правда, существовала еще одна причина. Как же он не вспомнил об этом раньше? Габриель мысленно отругал себя за забывчивость. Приезжая в Селинсгроув, Джулианна становилась настороженной. Ее страх имел вполне конкретное основание. Полтора года назад, когда она приехала к отцу, в его дом вломился ее бывший дружок Саймон и попытался изнасиловать ее. Джулия заявила в полицию. Затем Натали – нынешняя подруга Саймона – подстерегла Джулию в местном ресторанчике и стала шантажировать, требуя забрать за-

явление из полиции. В противном случае Натали угрожала распространить фотографии непристойного содержания, на которых была запечатлена Джулия.

К счастью, Джулия не испугалась и заявила Натали, что такое не в интересах Саймона и в особенности его отца-сенатора, метившего в президенты. Натали работала у него в избирательном штабе. На тех снимках Джулия была не одна, а вместе с Саймоном.

Габриель сомневался, что слова Джулии остудили пыл Натали, но тогда все свои сомнения он держал при себе. Он хорошо знал: испив однажды из колодца шантажа, люди вроде Натали и Саймона будут пытаться снова и снова зачерпнуть оттуда.

Габриель еще раз выругался и побежал с изматывающей скоростью. Он так и не рассказал Джулии, что сделал тогда. Меньше всего ему хотелось говорить об этом сейчас. Но если она по-прежнему боится гадостей со стороны Саймона и Натали, придется рассказать ей правду...

* * *

Вернувшись с пробежки, Габриель застал Джулию спящей. Увидев голые ступни, торчащие из-под одеяла, он усмехнулся. У его жены была интересная манера спать: натягивая одеяло чуть ли не на нос, она высовывала ноги наружу. Габриель все-таки прикрыл ей ноги и отправился в душ.

Джулия так и не проснулась. Габриель спустился вниз, взял ее списки и направился к машине. Если удача ему улыбнется, то еще до пробуждения жены он сумеет купить все необходимое, а заодно и нанять уборщицу.

* * *

К одиннадцати часам вечера Джулия сошла вниз. Габриель, положив ноги на скамеечку, сидел в гостиной в кожаном кресле и читал. Глаза за стеклами очков быстро скользили по строчкам.

– С пробуждением тебя, дорогая, – улыбнулся он и закрыл книгу.

– Что читаешь? – Габриель показал ей обложку. Книга называлась «Путь странника»⁴. – Интересная?

– Очень. Ты читала роман Сэлинджера «Фрэнни и Зуи»?

– Читала, но очень давно. А почему ты спрашиваешь?

– В романе эту книгу читала Фрэнни, и та сильно всколыхнула ее. Оттуда я и узнал о существовании «Пути странника».

– О чем она? – поинтересовалась Джулия, вертя книгу в

⁴ Название переведенной на английский язык русской книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», впервые изданной в 1880-е годы. Автор книги неизвестен. В книге описывается практика непрерывного повторения Иисусовой молитвы («умное делание»). Эту практику называют еще «русской йогой».

руках.

– О русском православном христианине, который пытается научиться непрестанной молитве.

– И что? – удивленно спросила Джулия.

– Мне захотелось узнать, научился ли он этому.

– Ты о чем-то молишься?

– Очень о многом, – почесывая подбородок, ответил Габриель.

– Например?

– О том, чтобы стать хорошим человеком, хорошим мужем, а со временем – и хорошим отцом.

Джулия слегка улыбнулась и вновь посмотрела на книгу:

– Мне думается, каждый из нас находится в духовном путешествии.

– Только одним удастся продвинуться дальше, чем другим.

Джулия отложила книгу и уселась мужу на колени:

– Я так не считаю. По-моему, мы все гоняемся за Богом, пока Он нас не поймает.

– Получается что-то вроде «Небесной гончей»⁵, – усмехнулся Габриель.

– Похоже.

– Больше всего в тебе меня восхищает твое сострадание к слабости человеческой природы.

– Габриель, я не образец добродетели. У меня есть свои

⁵ Стихотворение английского поэта-мистика Фрэнсиса Томпсона.

пороки. Просто они скрыты. – Джулия обвела глазами гостиную. На ковре виднелись следы от пылесосной щетки. С мебели исчез серый налет пыли. В воздухе пахло лимоном и хвоей. – Как приятно видеть дом, приведенный в порядок. Спасибо, что нашел уборщицу. Я сегодня очень продуктивно поработала.

– Отлично. – Габриель посмотрел на нее поверх очков. – Как ты себя чувствуешь?

– Значительно лучше, – ответила Джулия, склоняя голову ему на плечо. – Спасибо за обед.

– Когда я тебе принес его, ты не была голодна, – напомнил Габриель, ероша ей волосы.

– Я потом его умяла. Раньше мне было не прерваться. Завязла в одной проблеме и крутила ее с разных сторон.

– Тебе помочь? – спросил Габриель, снимая очки и кладя их на книгу.

– Нет. Не хочу, чтобы думали, будто я не умею работать самостоятельно и ты пишешь за меня.

– Я предлагал тебе совсем не это, – с обидой в голосе возразил Габриель.

– Мне необходимо все сделать самой.

– А по-моему, ты придаешь излишнее значение чужому мнению, – фыркнул Габриель.

– Я вынуждена с ним считаться, – резко ответила Джулия. – Если я представлю работу, которая будет похожа на написанную тобой, другие это заметят. Криста Петерсон уже

распускает сплетни про нас. Пол мне сообщил.

– Криста – завистливая сука, – хмуро бросил Габриель. – Только в своей карьере она идет не вперед, а назад. Колумбийский университет заставил ее поехать в Италию и заниматься там в рамках программы магистратуры по философии. Они не намерены сразу допускать ее до докторантуры. Я недавно говорил с деканом ее факультета в Колумбийском университете. Узнал, что Криста всю поливает нас грязью. Не понимает, что хуже делает только себе... Кстати, а Пол что, звонил тебе? – поинтересовался Габриель, подвигаясь к спинке кресла.

– Нет. Прислал электронное письмо. Он был на конференции в Калифорнийском университете. Там видел Кристу и слышал сплетни, которые она распространяет.

– Ты до сих пор не дала мне почитать текст твоей лекции. Правда, мы с тобой так много говорили о Гвидо, что я хорошо представляю, о чем ты пишешь.

Джулия закусила большой палец, но промолчала.

Габриель крепче обнял ее:

– Моя книга тебе помогла?

– Да. Но я избрала другое направление, – неохотно призналась Джулия.

– Джулианна, другое направление – это обоюдоострый меч. Оригинальность вызывает восхищение, но иногда проверенные методы лучше. Они существуют не по чьей-то прихоти.

– Завтра я дам тебе почитать, если у тебя будет время.

– Оно у меня обязательно будет, – пообещал Габриель, вода вверх и вниз по ее спине. – Мне не терпится прочесть. Моя цель – не срезать тебя, а помочь. Ты же это знаешь.

– Знаю, – ответила Джулия, снова утыкаясь ему в грудь. – Просто волнуюсь о том, что ты подумаешь.

– Обещаю: я буду честен и ориентирован на поддержку.

– Это лучшее, на что я могу надеяться, – улыбнулась Джулия. – А сейчас уложи меня в постель и отвлеки.

– От чего тебя отвлечь? – спросил он, лукаво щурясь.

– От мыслей о лекции. Подразни меня своим голым телом. Оно прекрасно отвлекает.

– А если я еще не созрел до постели?

– В таком случае я лягу одна и буду отвлекаться, как умею.

Джулия встала, потянулась, искоса поглядывая на мужа.

В ту же секунду Габриель подхватил ее на руки и взбежал по ступенькам на второй этаж.

Глава 3

– С такой трактовкой нельзя выступать перед специалистами. – Габриель расхаживал по кабинету, сжимая в руке текст лекции Джулии.

– Почему нельзя? – испуганно спросила она, отрываясь от ноутбука.

– Потому что это неверный ход. – Габриель бросил листы на письменный стол, затем снял очки и швырнул их поверх бумаг. – Святой Франциск приходит за душой Гвидо да Монтефельтро после того, как тот умирает. Мы с тобой это обсуждали, и ты согласилась.

Джулия скрестила руки на груди. Это была ее обычная защитная поза.

– Я изменила свое мнение.

– Но такая интерпретация – единственная, в которой есть здравый смысл!

Джулия сглотнула и покачала головой.

Габриель возобновил свои хождения взад-вперед.

– Мы с тобой обсуждали это еще в Белизе. Потом, когда мы временно расстались, я послал тебе иллюстрацию. Черт побери, неужели ты собираешься встать перед уважаемой аудиторией и заявить, что такого никогда не было?!

– Если бы ты прочитал мои сноски...

Габриель замер и посмотрел на свою упрямую жену:

– Я их прочитал. Ни один из упомянутых тобой авторов не позволяет себе заходить так далеко, как ты. А ты всего-навсего предаешься умозрительным рассуждениям.

– Всего-навсего? – Она оттолкнулась от стола, скрипнув колесиками кресла. – Я нашла несколько достоверных источников. Их точка зрения во многом совпадает с моей. Профессору Маринелли понравился мой текст.

– Она слишком снисходительно к тебе относится.

– Слишком снисходительно? – переспросила Джулия, от неожиданности открыв рот. – Уж не думаешь ли ты, что и профессор Пиктон пригласила меня на конференцию всего-навсего из вежливости?

Лицо Габриеля смягчилось.

– Разумеется, я так не думаю. Она тебя высоко ценит. Но я не хочу, чтобы ты портила впечатление о себе, выступая перед маститыми учеными со своей наивной концепцией. Если бы ты внимательно прочитала мою книгу...

– Я прочитала вашу книгу, профессор Эмерсон. Ты лишь вскользь упоминаешь текст, который я анализирую. И ты наивно принимаешь стандартную версию истолкования, даже не задумавшись. А стоило бы.

Габриель сощурился.

– Я принимаю версию, в которой нахожу смысл, – ледяным тоном произнес он. – Наивно принимать что-либо – такое мне вообще не свойственно.

Джулия встала, шумно засопев от досады и отчаяния:

– Ты что же, вообще не оставляешь за мной права на собственные идеи? Или, по-твоему, я должна повторять чужие мнения, поскольку их высказывали столпы, а я всего-навсего заурядная аспирантка?

– Я такого не говорил, – багровея, возразил Габриель. – Хочу тебе напомнить: когда-то и я был аспирантом. Но теперь я пребываю в ином качестве, и мой опыт мог бы тебе пригодиться.

– Знакомая песня! – Джулия сердито взмахнула руками и вышла из кабинета.

Габриель двинулся следом:

– Как прикажешь понимать твои слова? Что значит «знакомая песня»?

– Тебе не нравится, что о наших научных разногласиях узнают другие, – не оборачиваясь, ответила Джулия.

– Чепуха!

– Ах, чепуха? – Джулия резко повернулась к мужу. – Тогда почему ты требуешь изменить текст моей лекции, чтобы он совпадал с идеями твоей книги?

– Этого я от тебя не требую, – сказал Габриель, беря ее за руку. – Я пытаюсь тебе помочь, чтобы ты не выставила себя в дурачком...

– Что ты сказал? – Джулия сбросила его руку.

– Ничего. – Габриель закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Это позволило ему продолжать разговор в более спокойном тоне: – Если начать прямо сейчас,

ты успеешь до конференции переработать свою лекцию. Я помогу.

– Мне не нужна твоя помощь. И смысловую линию лекции я тоже не собираюсь менять. Тем более что ее фрагменты уже размещены на сайте конференции.

– Я позвоню Кэтрин, – ободряюще улыбаясь, пообещал Габриель. – Она поймет.

– Ты не будешь ей звонить. Я ничего не собираюсь менять. Габриель стоял с плотно сжатыми губами.

– Сейчас не время упрямитесь.

– Нет, время. Это моя работа! Моя лекция!

– Джулианна, послушай...

– Ты беспокоишься, что я выставлю себя в дурацком свете. И тебе придется за меня краснеть.

– Я такого не говорил.

По глазам Джулии чувствовалось, что ее обидели, если не сказать – предали.

– Ты это только что сказал. – Джулия прошла в спальню и попыталась закрыть дверь, но Габриель вцепился в дверную ручку:

– Что ты задумала?

– Пытаюсь избавиться от твоего присутствия.

– Джулианна, постой. – Габриель беспомощно озирался по сторонам. – Мы ведь можем спокойно поговорить об этом.

– Нет, не можем, – возразила она, ткнув его пальцем в грудь. – Я уже не твоя аспирантка. Мне позволено иметь соб-

ственные идеи.

– Ты полностью переиначиваешь мои слова. – (Джулия молча пошла в ванную.) – Джулианна, стой, черт тебя побери! – рявкнул Габриель, оставаясь в дверях.

– Не ори на меня!

Габриель поднял руки, показывая свою готовность к капитуляции, но внутри его продолжали бушевать эмоции, и он снова сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

– Прости меня. Давай сядем и поговорим.

– Сейчас я не могу с тобой разговаривать. Боюсь наговорить того, о чем потом пожалею. Да и тебе нужно успокоиться.

– Куда ты?

– В ванную. Я запру дверь и до конца дня прошу меня не беспокоить. Иначе я поеду к отцу.

Габриель поморщился. В последний раз Джулия останавливалась у отца года полтора назад, еще до их женитьбы.

– И как ты туда доберешься?

– Не волнуйся, без машины тебя не оставлю. Возьму такси.

– В этом городишке нет такси. Тебе придется вызывать машину из Санбери.

Джулия сердито посмотрела на него:

– Знаю, Габриель. Ты не забыл, что я когда-то жила здесь? Должно быть, ты всерьез считаешь меня идиоткой.

Зайдя в ванную, она не только закрыла дверь, но и щелк-

нула замком. Габриель отчетливо слышал этот щелчок. Выждав немного, он постучал в дверь:

– Послушай, ведь скоро приедут Рейчел, Эрон и Ричард. Что я им скажу?

– Скажи им, что я идиотка. Добавь, что убедился в этом.

– Джулианна, выслушай меня. Пожалуйста. – (Ответом ему был шум воды.) – Прекрасно! – крикнул Габриель. – Первая ссора, и ты трусливо запираешься в этой чертовой ванной! – Он с размаху двинул рукой по двери.

Шум воды стих.

– Моя первая публичная лекция, и ты называешь ее чепухой. И не потому, что материал никудышный, а только из-за того, что я не соглашаюсь с тобой и с твоей чертовой книжкой!

* * *

Джулия долго лежала в горячей ванне, а когда вышла, спальня была пуста.

Быстро одевшись, она на цыпочках пробралась в коридор, остановилась возле лестницы и прислушалась.

Обрадованная тем, что в доме одна, Джулия прошмыгнула в кабинет и заперлась там. Включив для фона мягкий, неназойливый джаз, она продолжила работу над лекцией.

– Где Джулия?

Это был первый вопрос, который задала Рейчел, едва успев обняться с братом. Не дожидаясь ответа, она вкатила в гостиную свой небольшой чемодан и чемодан Эрона. Рейчел явилась в штанах цвета хаки и белой футболке с V-образным вырезом. То и другое замечательно сидело на ее высокой, гибкой фигуре. Длинные светлые волосы были гладко зачесаны назад. Половину ее симпатичного лица скрывали большие темные очки. Ее можно было смело помещать на рекламный плакат фирмы «ГЭп».

– Джулия? Вовсю шлифует свою лекцию, – ответил Габриель, и его лицо напряглось.

– Ты что, не сказал ей о нашем приезде? – Рейчел подошла к лестнице, задрала голову и крикнула: – Эй, Джул! Оторви свою задницу от письменного стола! Мы приехали.

– Рейчел, – поморщился ее отец.

Он тоже вошел в гостиную и обнялся с Габриелем. Ричард Кларк был на пару дюймов ниже своего приемного сына. Светловолосый, сероглазый, он отличался скромностью, рассудительностью и был очень доброжелателен. Неудивительно, что Ричарда уважали все, кто его знал.

Тишина наверху показалась Рейчел подозрительной. Она повернулась к брату и впиалась в него такими же серыми, как

у отца, глазами:

– Почему Джулия прячется?

– С чего ты взяла? – наигранно удивился Габриель, пожимая руку вошедшего Эрона. – Она вовсе не прячется. Просто не слышала, как ты ее позвала... Комнаты для вас готовы. Полотенца в гостевой ванной. Отец, ты можешь расположиться в своей старой спальне.

– Мне будет неплохо и в гостевой. – Подхватив сумку, Ричард пошел наверх.

– Вы никак поссорились? – спросила Рейчел, недоверчиво глядя на брата.

Габриель сжал губы и, не отвечая на вопрос сестры, сказал:

– Зайди к ней сама. Потом все встретимся на заднем крыльце. Выпивка будет вас ждать. Я там готовлю барбекю из ребрышек.

– Ребрышки? Фантастика, – облизнулся Эрон, похлопывая Габриеля по спине. – Я хотел по дороге заскочить за «Короной», но Рейчел отказалась. Тогда я сейчас быстренько сгоняю.

Эрон вытащил из кармана ключи от машины и пошел к выходу, но был остановлен женой. Рейчел выразительно покачала головой. Габриель решил, что ему самое время покинуть супругов.

– Жду вас на заднем дворе, – бросил он, направляясь в сторону кухни.

– Они явно поцапались, – заявила мужу Рейчел. – Я поднимусь к Джул, а ты пообщайся с Габриелем. Может, он тебе что-нибудь расскажет. Потом съездишь за «Короной».

– Теперь-то им из-за чего цапаться? – удивился Эрон, пригладивая свои темные вьющиеся волосы.

– Кто знает? Быть может, Джулия без спросу навела порядок в его коллекции галстуков-бабочек.

* * *

– Привет! – Рейчел открыла дверь бывшего отцовского кабинета.

– Привет, Рейч! – улыбнулась лучшей подруге Джулия. Они обнялись. Рейчел уселась в кресло возле окна:

– Как дела?

– Великолепно.

– Что вы не поделили с Габриелем? – (Джулия опустила глаза.) – Не умеешь врать – говори правду.

Джулия отвернулась.

– С чего ты решила, что между нами что-то произошло? – спросила она.

– Мне достаточно было взглянуть на кислую физиономию брата. Да и твое личико не светится счастьем. И потом, в доме ощущается напряженность. Не надо быть экстрасенсом, чтобы это почувствовать.

– Я не хочу об этом говорить.

– Мужики все болваны.

– Тут я с тобой согласна. – Джулия села в кресло напротив Рейчел и закинула ноги на подлокотник.

– Мы с Эроном тоже, бывает, цапанемся. Он сразу шизеет, пулей вылетает из дому, пару часов где-нибудь болтается, но потом всегда возвращается. – Рейчел внимательно посмотрела на подругу. – Хочешь, я устрою Габриелию взбучку?

– Не надо. Но ты права. Мы поссорились.

– Из-за чего?

– Я допустила ошибку. Дала ему прочитывать текст лекции, которой сейчас занимаюсь. Он раскритиковал меня в пух и прах. Сказал, что это не лекция, а ужас какой-то.

– Так и сказал? – От удивления Рейчел даже привстала.

– Ему понадобилось меньше слов.

– Что это на него нашло? По мне, так я бы запустила чем-нибудь в его профессорскую голову.

– У меня была такая мысль, – криво усмехнулась Джулия. – Не захотелось потом кровь оттирать.

Рейчел засмеялась:

– С чего это он назвал твою лекцию ужасной?

– Ему моя концепция не понравилась. Считает ее ошибочной. Говорил, что старается мне помочь.

– Понятно. Габриель в своем репертуаре. Непробываемое стремление контролировать все вокруг себя. Теперь еще и твою лекцию. Не удивляюсь, что ему было не справиться с собой без психотерапевта.

Некоторое время обе молчали.

– Я не хочу, чтобы Габриель мне врал с благородной целью пощадить мои чувства. Если текст лекции нуждается в доработке, я должна об этом знать.

– А ему пора бы научиться помогать, не обижая других своим высокомерием.

Джулия шумно выдохнула, вновь чувствуя отчаяние:

– Согласна. Мне, знаешь, эти его перепады настроения...

То он мечтает о полноценной семье. А через мгновение – прежний профессор Эмерсон, снисходительно-нетерпимый и готовый навязывать свое мнение.

– Подожди, я не ослышалась? Он что, хочет детей?

– Да, – поежилась Джулия.

– Джул, так это же здорово! Я так рада за вас обоих. И когда вы собираетесь приступить к осуществлению замысла?

– Не сейчас. Мы договорились обождать, пока я закончу докторантуру.

– Как долго, – задумчиво произнесла Рейчел.

– Сама посуди: заниматься одновременно докторской диссертацией и ребенком... Боюсь, мне не потянуть.

Рейчел кивнула, теребя свою футболку.

– Мы бы хотели завести ребенка, – призналась она.

– Уже сейчас? – спросила Джулия, придвигаясь ближе.

– Возможно.

– А как ты поняла, что готова?

– Нет, я пока не беременна, – улыбнулась Рейчел. – Про-

сто я всегда хотела детей, и Эрон тоже. Мы с ним говорили об этом еще в старших классах. Я люблю Эрона и могла бы счастливо прожить с ним вдвоем. Но в будущем я всегда вижу нас окруженными детьми. Я хочу, чтобы было кому приезжать к нам на Рождество. Не знаю, сколько уроков мне преподала мамина смерть. Но один я усвоила крепко. Я вдруг воочию увидела, насколько непредсказуема жизнь. Не хочу откладывать детей на потом. Так можно и свой шанс потерять.

Слушая подругу, Джулия была готова заплакать. Она усиленно моргала, не давая слезам пролиться.

– Но ведь ты каждый год делаешь маммографию.

– Да. И еще я сделала генетический тест. У меня нет наследственной предрасположенности к раку груди. Наверное, и у мамы тоже не было. А если и была, врачи слишком поздно ее обнаружили. Слишком поздно.

– Рейч, прости. Я не хотела трогать эту тему.

Рейчел вздохнула и повернулась к окну:

– Я сама не люблю ее трогать, но подспудные опасения остаются. Вдруг рождение детей спровоцирует рак? Я постоянно об этом помню... Кстати, дети – единственный способ избавить Габриеля от его снисходительности и прочих замашек.

– Это как?

– Когда ребеночек вдруг вывернет содержимое подгузника на его дорогие брюки, Габриелю станет не до высокоме-

рия. Он будет громко звать тебя и умолять о помощи.

Джулия засмеялась, однако смех быстро стих.

– Я просто хочу, чтобы он понял: мои идеи тоже важны, и ничуть не менее его собственных.

– Конечно важны. Так ему и скажи.

– Скажу. Но в данный момент мы с ним не разговариваем.

Рейчел задумчиво водила пальцами по подлокотнику кресла.

– Габриель прошел долгий путь. Я рада видеть его женатым и говорящим о детях. Это так здорово. Мама рассказывала: когда они с отцом привели его в дом, он долгое время припрятывал у себя в комнате еду. Не верил их словам и поступкам и всегда стремился хоть что-то унести со стола к себе.

– Он был настолько голоден?

– Он боялся, что ему снова придется голодать. Габриель не верил, что приемные родители будут его кормить. Вот он и делал запас на случай, когда кормежка прекратится. И вещи свои долго не распаковывал. До тех пор, пока его официально не усыновили. Он все время боялся, что родители прогонят его из дому.

– Я этого не знала, – сказала Джулия, ощущая внезапную тяжесть на сердце.

Рейчел с сочувствием посмотрела на нее:

– Габриель – мой брат. Я люблю его. Но он привык говорить не подумав. Скорее всего, его рассердило, что ты по-

строила лекцию по-своему, а не так, как хотелось бы ему.

– Я и не собираюсь подстраиваться под него. У меня есть свои идеи.

– Мой тебе совет: поговори с ним. Конечно, будет неплохо его помуржить. Пусть поспит на диване.

– Увы, на диване, скорее всего, придется спать мне, – сказала Джулия, махнув в сторону дивана, стоявшего у противоположной стены.

* * *

Обед проходил напряженно. И это еще мягко сказано.

Джулия сидела рядом с Габриелем. Во время застольной молитвы они даже держались за руки. Но все это было не более чем отрешенной, доставляющей страдания вежливостью. Ни теплых взглядов, ни слов любви, произнесенных шепотом, ни мимолетных касаний рук под столом.

Габриель сидел прямо, как гвардеец. Его лицо оставалось холодным. Джулия была тихой и словно бы находившейся далеко отсюда.

Всю беседу за столом поддерживали Ричард, Эрон и Рейчел. Чета Эмерсон не произнесла и нескольких фраз. После обеда Джулия отказалась от десерта и вернулась в кабинет. Габриель проводил ее взглядом. У него дергалась жилка на подбородке, однако он не сказал ни слова и не сделал ни одной попытки задержать жену. Он просто смотрел ей вслед.

Когда Рейчел ушла на кухню готовить кофе, Эрон решил, что с него достаточно.

– Слушай, приятель, хватит держаться за свою гордость. Пойди и извинись перед ней.

– А с чего ты решил, что я виноват? – с неподдельным изумлением спросил Габриель.

– Потому что из вас двоих только у тебя есть яй... – Поймав укоризненный взгляд тестя, Эрон стал кашлять. – Статистика утверждает, что восемьдесят процентов ссор происходит по вине мужчин. Попроси у нее прощения, и все будет нормально. Я не выдержу еще одной попытки за столом. Мне было так холодно, что захотелось выйти на улицу и согреться.

– Пожалуй, я соглашусь с Эроном, хотя ты и не спрашиваешь моего мнения, – деликатно усмехаясь, сказал Ричард.

Габриель смотрел на обоих почти с нескрываемым раздражением.

– Я пытался поговорить с ней. С этого как раз и началась наша ссора. Джулия закрылась в ванной и велела мне проваливать.

Ричард с Эроном понимающе переглянулись.

– Тебе не позавидуешь, – присвистнул Эрон. – Лучше помирись с нею до ночи, иначе будешь спать на диване. – Эрон тряхнул головой и ушел к жене на кухню.

Ричард задумчиво постукивал по ножке рюмки.

– И ты, Брут? – хмуро спросил Габриель.

– Я ничего не говорил, – заботливо глядя на сына, ответил Ричард. – Я стараюсь не лезть в дела взрослых детей.

– Спасибо и на этом.

– Те, кто давно живет в браке, часто советуют молодым парам обязательно помириться еще до захода солнца. В этом есть свой резон. Если не давать семейным проблемам разрастаться, вы существенно облегчите себе жизнь.

– Я не могу нормально разговаривать через закрытую дверь.

– Еще как можешь. Когда-то ты ухаживал за Джулией. Поухаживай снова.

Таких слов Габриель явно не ожидал.

– Ты что же, предлагаешь мне ухаживать за собственной женой? – недоверчиво спросил он.

– Я предлагаю тебе не поддаваться нашептываниям своего эго, извиниться перед Джулией, а потом внимательно выслушать ее. К сожалению, я это понял далеко не сразу. Учись на моих ошибках.

– Вы с мамой были идеальной парой.

– Наш брак был далек от идеала, – засмеялся Ричард. – Но мы с первых лет совместной жизни договорились: ни в коем случае не допускать, чтобы дети видели и слышали, как мы ссоримся. Дети очень страдают от родительских ссор. По собственному опыту скажу: основных причин супружеских размолвок не так уж и много. Пары ссорятся из-за денег, секса и отсутствия уважения и внимания. – Габриель попытал-

ся возразить, однако Ричард поднял руку. – Я ведь не спрашиваю, из-за чего вы поссорились. Это касается только вас двоих. Но все мы заметили, что чувства Джулии задеты. За обедом она сидела с отсутствующим взглядом, погруженная в себя. Такой она была в юности, до того, как познакомилась с тобой.

– Я был и остаюсь доступен для рационального общения, – не сдавался Габриель, из которого так и лез прежний профессор Эмерсон.

– Прислушайся к своим словам, – сказал Ричард, и теперь в его тоне звучал упрек. – У Джулии явно есть причины обидеться. Ты сделал ей больно. А когда кто-то делает тебе больно, то самое разумное – отступить, уйти в себя. Особенно если вспомнить историю ее жизни.

– Я не собирался делать ей больно, – поморщился Габриель.

– Конечно, не собирался. Но я уверен и в другом: в вашем споре ты вел себя нечестно. Умение спорить с супругой – это искусство, а не наука. Мы с твоей матерью долго постигали это искусство и, когда постигли, практически перестали ссориться. Мы спорили, но в спорах вели себя достойно и не стремились побольнее уколоть друг друга. Если ты споришь с Джулией, но она знает, что ты по-прежнему ее любишь и она тебе дорога, ваши конфликты будут очень легко разрешаться. – Ричард допил вино и отодвинул пустую рюмку. – Послушай совет человека, который прожил в браке

достаточно долго и который воспитал дочь. Когда женщина становится холодной и уходит в себя – это способы ее защиты. Еще раз предлагаю тебе: будь нежен с женой и убеди ее открыть дверь. Иначе тебе придется провести на диване еще немало одиноких ночей.

* * *

Только в первом часу ночи Джулия выключила ноутбук. Она не сомневалась, что все уже легли спать. Она слышала, как гости расходились по комнатам.

Тихо подойдя к двери кабинета, Джулия осторожно выглянула в коридор. Из-за закрытой двери хозяйской спальни пробивался свет. Скорее всего, Габриель лег и читал.

Может, пойти к нему? До спальни было всего несколько шагов, однако сейчас это расстояние казалось ей непреодолимым.

После обеда Джулия взяла из их ванной бутылку с пеной для ванны. Сейчас она снова заберется в ванну, но уже в другую, для гостей. Ляжет в горячую ароматную воду и постарается забыть о своих печалях.

Через полчаса Джулия вернулась в кабинет и закрыла дверь. Ванна освежила ее, но желанного расслабления почти не принесла. Если Габриель не делает шагов к примирению, что ж, она будет спать на диване.

Она легла, накрылась старым шерстяным одеялом, на ко-

тором они лежали в ту первую памятную ночь. Джулия думала об их доме в Кембридже, о нескольких месяцах безоблачного семейного счастья. Как счастливы были они оба.

Ей хотелось стать профессиональным дантоведом. Путь этот был долог и требовал самопожертвования, напряженной работы и смирения. Джулия вовсе не считала себя непогрешимой, поднявшейся над критикой. Конечно же, текст ее лекции требовал доработки и улучшения.

Но когда Габриель заявил, что она выставит себя на посмешище, ее пронзила нестерпимая душевная боль. Она так ждала его слов ободрения и поддержки. Зачем говорить, сколь низкое место занимает она в ученом мире? Ее вера в себя и так была достаточно шаткой.

«Неужели он не видит, что я нуждаюсь в его поддержке?»

Печаль не утихала, а, наоборот, нарастала, поднимаясь изнутри. Почему, почему за весь вечер он не пришел к ней?

Наверное, ему не было скучно без нее. Они с Ричардом сидели на заднем крыльце, покуривали сигары и говорили о прошлом. Интересно, а что он сказал Рейчел? Как объяснил возникший конфликт? Ну почему она лежит здесь одна, в темноте, готовая разреветься, а ему совсем неплохо и без нее?

В этот момент Джулия услышала скрип приоткрывшейся двери, затем быстрые, решительные шаги Габриеля. Он остановился возле кабинета.

Джулия села на постели и затаила дыхание. Из-под двери

пробивалась полоска неяркого света.

«О боги ссорящихся молодоженов, пожалуйста, заставьте его постучаться в мою дверь».

Потом она услышала тягостный вздох и еще один звук. Похоже, рука Габриеля коснулась дверной ручки. Полоску света загородила тень. Еще через мгновение тень исчезла. Габриель вернулся в спальню.

Джулия подтянула ноги к самому подбородку, но не заплакала.

Глава 4

Ранним утром Джулию разбудил звонок мобильного.

Комнату наполнили первые такты «Message in a Bottle» – старого хита английской группы «Полис». Джулия посмотрела на телефон, подрагивавший на письменном столе, однако не встала.

Через несколько минут она услышала другой сигнал, сообщавший о приходе эсмэски. Ей стало любопытно. Встав, Джулия прошла к столу и взяла мобильник. Естественно, послание было от Данте Алигьери.

Я виноват.

Пока она думала над ответом, пришло новое сообщение.

Прости меня.

Джулия изменила направление мыслей. В коридоре слышались шаги, а затем – негромкий стук в ее дверь.

Пожалуйста,пусти меня.

Третье сообщение заставило Джулию подойти к двери и слегка приоткрыть ее.

– Привет, – смущенно улыбаясь, произнес Габриель.

Взглянув на него, она увидела, что он побывал в душе – об этом говорили еще влажные волосы, – но не побрился. Лицо покрывала соблазнительная черная щетина. Габриель был в белой футболке и старых джинсах. Босой. Джулия невольно залюбовалась мужем.

– И это повод, чтобы будить меня в шесть утра?

Вопрос прозвучал холоднее, чем ей хотелось бы.

– Джулианна, я виноват перед тобой.

Вид у него был сокрушенный. Покаянному виду способствовали воспаленные глаза и мятая одежда. Казалось, Габриель только что достал ее из какого-нибудь мешка, собранного для Армии спасения, и надел, не особо разглядывая.

– Ты сделал мне больно, – прошептала Джулия.

– Я знаю и сожалею об этом. – Габриель шагнул вперед. – Я заново перечитал текст твоей лекции.

– И ты постучался в дверь, чтобы это сообщить мне? – спросила Джулия, упираясь рукой в бок.

– Я позвонил. Ты не ответила, – сказал он и улыбнулся. – Это напоминает мне времена Торонто, когда я был вынужден лазить к тебе через окно.

Щеки Джулии вспыхнули. Она вспомнила Габриеля, стоявшего под окнами, с пакетом, где был принесенный им обед. Она тогда только что вышла из душа и приветствовала его, завернувшись в полотенце.

– Ты кое-что забыла. Кое-что важное. – У него в руках бы-

ла репродукция: «Спор за душу Гвидо да Монтефельтро». – Вчера я нашел ее в спальне на полу. Уже не помню, кто из нас ее нес, но кто-то уронил.

Джулия не обратила внимания на репродукцию, которую в свое время Габриель сунул в ее почтовый ящик в Торонто. Сейчас ее больше интересовало выражение лица Габриеля. Чувствовалось, он взволнован. В глазах – нескрываемая тревога. Пальцы теребили мокрые волосы.

– Конечно, тебе нужно было побыть наедине с собой. Но нельзя находиться в разлуке так долго. Ты позволишь войти?

Джулия отступила, пропуская его. Габриель вошел. Джулия села на диван, свернулась калачиком и закуталась в старое одеяло.

Габриель следил за ее движениями. Джулия приняла защитную позу. Положив иллюстрацию на крышку ноутбука, он встал, засунув руки в карманы.

– Я заново перечитал текст твоей лекции, а затем взялся за «Ад». – Он смотрел ей в глаза. – Вчера я сказал недопустимые вещи.

– Спасибо.

Ее поза стала менее напряженной.

– У меня есть предложения по улучшению текста. – Габриель уперся бедрами в край стола. – Знаю, что для тебя важно стоять на собственных ногах. Но если тебе требуется помощь, я буду рад помочь.

– Я с удовольствием приму твои советы, если ты не ста-

нешь говорить, в каком направлении я должна думать.

– Этого я бы тебе никогда не сказал. Да и как я могу? – Его лицо смягчилось. – Я многое люблю в тебе, и не в последнюю очередь – твои идеи. – Его взгляд упал на картинку. – Извини, я был излишне придирчив. Но пойми, Джулианна, тема твоей лекции отчасти имеет личный характер. История Франциска, рисковавшего жизнью в аду ради спасения души Гвидо, схожа с моей историей. С историей моего признания, сделанного перед дисциплинарным комитетом тогда, в Торонто.

Джулия сразу же почувствовала комок в горле. Она не любила мысленно возвращаться к событиям того времени. Дисциплинарный комитет и ее временный разрыв с Габриелем были слишком болезненными воспоминаниями.

– Должен признаться: моя обостренная реакция была вызвана не только ходом твоих рассуждений. Меня задело то, что я посчитал твоим отходом от этой истории. От нашей истории.

– У меня и в мыслях не было отмахиваться от столь значимых событий. Я же знаю: ты тогда рисковал всем, только бы мне помочь. И еще я знаю, что ты прошел через настоящий ад. – Лицо Джулии сделалось решительным. – Если бы мы вдруг поменялись ролями, я бы ради твоего спасения спустилась в ад.

Улыбка тронула уголки его рта.

– Беатриче знала, что не может сопровождать Данте в его

странствиях по аду. Вместо себя она послала Вергилия.

– Единственный известный мне Вергилий – это Пол Норрис⁶. Сомневаюсь, что ты обрадовался бы его помощи.

– Пол едва ли годится на роль Вергилия, – хмыкнул Габриель.

– А для меня он тогда стал Вергилием.

Габриель нахмурился. Его и сейчас корежило при мысли об участии, какое принял Пол в судьбе Джулии.

– Я был сущим придурком. И тогда, и сейчас. – Габриель оторвался от стола и встал перед Джулией, засунув руки в карманы. – Ты позволишь? – спросил он с явным намерением сесть рядом.

Она кивнула.

Габриель сел, протянул руку. Джулия приняла ее.

– Я не хотел делать тебе больно.

– Знаю. Я тоже сожалею, что так вышло.

Габриель пересадил жену себе на колени и зарылся лицом в ее волосы:

– Не хочу, чтобы ты запиралась в ванной, только бы меня не видеть.

Он прижался губами к ее губам. Джулия почти мгновенно ответила на его поцелуй.

Габриель целовал ее, но сдержанно. Его губы были теплыми и зовущими. Он осторожно двигал языком, наслаждаясь ее ртом. Не выдержав, Джулия обняла его за шею и притя-

⁶ Здесь обыгрывается второе имя Пола – Верджил.

нула к себе.

Габриель дразнил ее, ведя языком по тонкой щели между губами. В конце концов Джулия открыла рот. Язык Габриеля осторожно проскользнул внутрь. Их языки встретились. Его поцелуи никогда не лгали. Слова не требовались, чувства говорили гораздо больше. Джулия ощущала его раскаяние и грусть. Но даже они не притушили пламени его желания. Это она тоже чувствовала.

Его руки незаметно переместились с ее лица к бедрам. Габриель приподнял ее, и теперь Джулия сидела на нем, широко расставив ноги. Они продолжали крепко обниматься.

– Идем в постель, – хриплым умоляющим голосом произнес Габриель, лаская ей ягодицы.

Его возбуждение нарастало.

– Идем.

– Вот и хорошо, – прошептал Габриель, прижимаясь губами к ее уху. – У нас предостаточно времени до пробуждения наших гостей и завтрака.

– Мы все-таки должны считаться с гостями, – напомнила Джулия, отстраняясь от него.

– Ничего мы не должны, – возразил Габриель, и его синие глаза опасно блеснули. – Сейчас ты в этом убедишься.

* * *

– Минувшая ночь была ужасной, – признался Габриель.

Он лежал на спине, засунув руку под голову. Прикрываться одеялом ему не хотелось. В спальне было тепло. Его любимая жена лежала рядом – на животе и тоже совершенно голая. В такие моменты Габриель жалел, что нельзя вот так целыми днями голышом валяться в постели.

– Да, ужасной, – согласилась Джулия. Она приподнялась на локте, чтобы видеть его глаза. – Почему ты не пришел и не поговорил со мной?

– Я хотел заново перечитать текст твоей лекции. И еще мне казалось, что тебе нужно побыть одной.

– Я не люблю ссориться с тобой, – сказала Джулия. Она нагнула голову. Пряди волос качнулись, чуть прикрыв ей грудь. – Я просто ненавижу ссоры, – добавила она.

– Я тоже не люблю с тобой ссориться, – признался Габриель. – И меня это удивляет. Раньше я обожал такие ссоры. Ты превращаешь меня в пацифиста.

– Сомневаюсь, Габриель, что ты когда-нибудь станешь пацифистом. – Ее голос задрожал. – Ноша аспирантки тяжела. Мне нужна твоя поддержка.

– Она у тебя есть, – страстно прошептал Габриель.

– Пойми: в своей лекции я вовсе не собиралась опровергать твою точку зрения. Просто... так получилось.

– Иди ко мне.

Джулия легла на него, и руки Габриеля сомкнулись у нее на спине.

– Мы должны найти иной способ выражения профес-

сиональных разногласий. Без повторения вчерашнего. Мое сердце этого не выдержит.

– Мое тоже, – шепотом призналась Джулия.

– Обещаю тебе впредь не становиться эгоистичным придурком, если ты пообещаешь не запираяться от меня в ванной, – сказал Габриель, сверля ее глазами.

– Обещаю не запираяться в ванной, если ты не будешь вторгаться в мое пространство. Я чувствовала, как обстановка накаляется все сильнее, и пыталась на время исчезнуть. Ты не желал меня отпускать.

– Намек понят. Мы можем пока прервать наш научный спор, но потом обязательно к нему вернуться. И не на следующее утро. Я не допущу, чтобы кто-то из нас снова спал на диване.

– Согласна. Спать на диване очень неудобно и одиноко.

– Когда мы говорили о тексте твоей лекции, я не сумел правильно выразить то, что хотел сказать. Прости меня. Меня беспокоило вовсе не наше расхождение во мнениях. Фактически это даже хорошо. Пусть научное сообщество увидит и отметит, что ты способна думать самостоятельно.

– Пойми: для меня расхождение во мнениях не самоцель, – сказала Джулия, слегка наморщив лоб.

– Конечно нет. – Габриель хотел было поцеловать морщинку на ее лбу, но та уже исчезла. – Как бы тебя это ни удивляло, иногда я могу ошибаться.

– Мой профессор может ошибаться? – засмеялась Джу-

лия. – Невероятно.

– Да. Тебя это удивляет? – Он покачал головой и криво усмехнулся. – Но когда я вторично прочитал текст твоей лекции, он меня убедил. Я понял: да, общепринятая интерпретация ошибочна.

– Что? – не веря своим ушам, переспросила Джулия.

– То, что слышала. Твоя лекция изменила мою точку зрения. Но последнюю часть можно сделать еще сильнее, и у меня на этот счет есть несколько предложений. Твои рассуждения в последней части не показались мне убедительными.

– Подсказки мне не помешают. Я обязательно упомяну тебя в сносках.

Руки Габриеля застыли на ее ягодицах.

– Почту за честь быть упомянутым в одной из твоих сносок.

– Значит, ты не считаешь весь текст лекции ужасным? – помолчав, спросила Джулия. – И я не выставляю себя на посмешище?

– Нет. Едва я обуздал свое спонтанное неприятие и вчитался в твою аргументацию, я понял, что профессор Маринелли права. У тебя хорошая лекция.

Джулия прижалась щекой к его груди:

– Спасибо. Трудно заниматься исследованиями в той же области, что и ты. Мне постоянно кажется, будто я пытаюсь угнаться за тобой.

– Я готов расширить и усилить свою поддержку. Мы с то-

бой не конкуренты. В дальнейшем я бы с радостью написал с тобой совместную статью.

– Ты серьезно? – вскинула голову Джулия.

– Мы с тобой оба любим Данте. Почему бы не появиться творческому плоду нашей совместной любви? Я горд, что у тебя хватает мужества отстаивать свои убеждения. Когда настанет время твоей защиты в Оксфорде, я буду сидеть на первом ряду и думать: «Это моя девочка».

– Я всегда мечтала об этом, и вот моя мечта исполнилась.

– Тогда я буду постоянно повторять тебе эти слова.

Глава 5

Эмерсоны покинули спальню только перед ланчем. Выглядели они спокойными и счастливыми. Гости благоразумно воздержались от комментариев.

Днем число гостей увеличилось. Приехал брат Габриеля Скотт вместе с женой Тэмми и малолетним сыном Куинном. Помимо них, к раннему обеду подъехал отец Джулии Том со своей подругой Дайаной.

Сорокалетняя Дайана Стюарт была миловидной афроамериканкой с безупречно гладкой кожей, громадными темными глазами и вьющимися волосами до плеч. Она была почти на десять лет моложе Тома, которого знала очень давно, поскольку всю свою жизнь провела в Селингроуве.

Наступило время десерта. Пройдя на кухню, Дайана увидела танцующих Габриеля и Джулию. По желанию Габриеля звуковые колонки были установлены во всех помещениях дома, и музыка звучала повсюду. Сейчас это были мягкие аккорды латиноамериканского джаза.

Обнявшись, молодожены плавно покачивались в такт музыке. Габриель что-то шепнул Джулии на ухо. Она смущенно отвернулась, но он притянул жену к себе и стал целовать.

Дайана хотела было вернуться в гостиную, но ее подвела старая половица, скрипнувшая под ногами. Супруги разом оборвали танец и повернулись к ней.

Дайана улыбалась:

– Вижу, здесь что-то стряпается, но никак не яблочный пирог.

Габриель громко и счастливо засмеялся. Джулия лишь улыбнулась, прижавшись к нему лбом. Дайана одобрительно кивнула:

– Вы так долго готовите кофе, что я подумала, не разучились ли вы его заваривать.

Габриель запустил пальцы в волосы, уже порядком взъерошенные Джулией.

– Дорогая, как у нас с кофе? – спросил он.

– Кофе готов. Пироги остывают. Скоро можно будет подавать десерт.

Джулия неохотно разомкнула руки. Габриель, не удержавшись, слегка погладил ее по спине.

В этот момент на кухне появились Рейчел и Тэмми. Тэмми недавно вошла в круг семьи. Всего месяц назад она вышла замуж за младшего брата Габриеля. Она была высокой женщиной (рост пять футов и одиннадцать дюймов) с соблазнительной фигурой, длинными золотисто-рыжими волосами и голубыми глазами.

– Что происходит в этом славном месте? – спросила Рейчел, подозрительно глядя на брата, словно тот был единственным виновником проволочек с десертом.

– Мы готовили кофе, – ответила Джулия. Скрывая смущение, она принялась разливать напиток по чашкам.

– Охотно верю, – лукаво произнесла Тэмми и подмигнула.

– А я вот сомневаюсь, что они тут кофе готовили, – сказала Дайана, грозя молодоженам пальцем.

– Это пусть дамы решают без меня.

Габриель порывисто поцеловал жену и покинул кухню.

Рейчел придирчиво осмотрела яблочные пироги, разложенные на обеденном столе, и пальцем проверила, насколько они остыли.

– Дай-ка нож, Джул. Хочу попробовать, как они пропеклись.

– Вот это другое дело, – одобрительно произнесла Дайана.

Она отказалась от предложенного Джулией кофе и уселась на табурет.

– Так что вы здесь стряпали? – спросила Рейчел. – И скажи мне, что ты не притрагиваешься вот к этому.

Она покосилась на столешницы из гранитной крошки, заменившие прежние поверхности разделочных столов. Они появились здесь по настоянию Габриеля.

– Слишком холодные.

Спохватившись, Джулия зажала рот рукой, но было слишком поздно. Женщины дружно засмеялись и начали беззастенчиво ее поддразнивать.

– Здесь жарко или это меня одну жар разбирает? – спросила Дайана, обмахиваясь бумажной салфеткой. – Пожалуй, теперь я буду называть это жилище домом любви.

– При моих родителях так оно и было, – сказала Рейчел,

оглядывая кухню. – Вряд ли они занимались этим на разделочных столах. Но они были очень страстной парой. Должно быть, кухня хранит воспоминания о них.

Джулия могла бы подтвердить слова подруги. В кухне, да и во всем доме, ощущались тепло и уют. Их с Габриелем постоянно тянуло обниматься, и она не без усилий над собой выскальзывала из его рук, чтобы заниматься своей лекцией.

– Значит, мой старший братец попросил прощения за вчерашнее? – спросила Рейчел, глядя на Джулию.

– Да, – ответила та, слегка покраснев.

– Что ж, приятно слышать. И все равно я с ним поговорю. Это в его стиле: сначала поскандальить, а потом бежать за цветами. Или за бриллиантами.

Взгляд Джулии невольно упал на кольцо, подаренное Габриелем в честь их помолвки: крупный бриллиант в окружении мелких.

– Их он подарил мне достаточно.

– Миленькое колечко, дорогая, – похвалила Дайана. – И твое не хуже, – добавила она, глядя на левую руку Тэмми. – Ну и как тебе замужняя жизнь?

Свет галогеновых ламп переливался на гранях кольца Тэмми.

– Я не верила, что это случится.

– Почему? – удивилась Рейчел, жуя пирог.

Тэмми посмотрела в сторону гостиной:

– А не пора ли подавать десерт?

Рейчел проглотила кусок:

– У наших мужчин ноги еще не отсохли. Захотят пирога – сами придут и возьмут.

Тэмми хихикнула и обеими руками взяла чашку с кофе.

– Прежде чем мы начали встречаться со Скоттом, у меня был другой мужчина. Мы познакомились в юридическом колледже. Сблизились, стали жить вместе. Говорили о свадьбе, о покупке дома и обо всем, о чем говорят в таких случаях. Потом я забеременела.

Джулия заерзала на табурете, вперившись в пол.

Тэмми с грустью посмотрела на женщин:

– Для Скотта это явилось полной неожиданностью, но его родители были счастливы. Жаль, что я не застала Грейс. Судя по рассказам, она была замечательной женщиной.

– Да, Тэмми, – подтвердила Рейчел. – Что касается планирования семьи... Габриель не был запланированным ребенком. Когда умерла его родная мать, родители взяли его к себе и потом усыновили. Дело не в планировании. Важно, как все поворачивается потом.

– Мы с Эриком говорили о детях, – кивнула Тэмми. – Я верила, что мы оба хотим детей. И вдруг Эрик решил, что не готов быть отцом. Он подумал, что я забеременела с целью привязать его к себе.

– Можно подумать, ты забеременела сама по себе, – хмыкнула Дайана, взмахнув вилкой.

Джулия промолчала. Ей было стыдно признаваться, что

она понимает неготовность Эрика становиться отцом, хотя его последующие действия не вызывали в ней никакого сочувствия.

– Эрик поставил мне ультиматум: ребенок или он. Увидев, что я колеблюсь, он меня бросил.

– Вот стервец, – пробормотала Рейчел.

– Я была раздавлена. Я понимала, что ответственность за эту беременность лежит не только на мне, но все равно корила себя. Нужно было надежнее предохраняться. Я даже подумывала об аборте, однако Эрика рядом уже не было. А где-то в глубине души мне хотелось стать матерью. – (Джулия вновь поежилась, пораженная искренностью Тэмми.) – Мне было тяжело одной оплачивать квартиру, и я вернулась к родителям. Я чувствовала себя проигравшей по всем статьям: беременная, одинокая, вынужденная жить в родительском доме. Я часто плакала по ночам, думая, что ни один мужчина не захочет взять меня с ребенком.

– Я так тебе сочувствую, – призналась Джулия, на глаза которой навернулись слезы.

Тэмми обняла ее:

– Потом жизнь мне улыбнулась. Но я никогда не прощу Эрику отказ от его отцовских прав. Куинн вырастет, не зная родного отца.

– «Доноры спермы» еще не значит «отцы», – возразила Рейчел. – Ричард не производил Габриеля на свет, но Габриель считает его своим отцом.

– Уж не знаю, каков был родитель Габриеля. Должно быть, красавчик, если такого парня произвел, – сказала Дайана, кивая в сторону гостиной. – Конечно, мой милый покрасивее будет, но тем не менее.

Джулия хихикнула. Ей было трудно представить, что кто-то считал ее отца красивым.

– Хорошо, что у меня тогда была работа, – продолжала Тэмми. – Я работала у окружного прокурора. Там и познакомилась со Скоттом. Когда была беременна, мы с ним пару раз куда-то ходили. Между нами были чисто дружеские отношения. Я думала, что после рождения ребенка он не захочет встречаться со мной. Но родился Куинн, и через несколько недель Скотт пришел к нам и спросил, не хочу ли я куда-нибудь пойти. Я была просто ошеломлена.

– Насколько помню, он сам был ошеломлен, – засмеялась Рейчел. – Братец втюрился в тебя по уши.

Тэмми крутила кольцо, любуясь игрой света.

– Это было так неожиданно. Я кормила Куинна грудью, и мне пришлось сцеживать молоко. Мои родители вызвались посидеть с внуком. Знаете, Скотт никогда не ставил меня в неловкое положение. Он видел во мне не мать-одиночку, а женщину. Человека. Я, еще когда встречалась с Эриком, чувствовала, что нравлюсь Скотту. – Она оглядела собравшихся и улыбнулась. – Я очень волновалась перед знакомством с вами. Но вы меня так хорошо встретили. – Тэмми повернулась к Джулии: – Я тогда впервые увидела Габриеля. И пора-

зилась, какой он приветливый. Куинн ему костюм обмочил, а он и глазом не моргнул.

– Скажи спасибо Джулии, – усмехнулась Рейчел и скорчила рожу. – Случись это раньше, Габриель вручил бы твоему малышу счет за химчистку.

Джулия хотела было встать на защиту Габриеля, но Тэмми заговорила снова:

– Нет, Габриель на такое не способен. Я помню, как он замечательно играл с Куинном. Вы спросите, а как Скотт? Отцовство меняет мужчину. Хорошего мужчину, – поспешно добавила она. – Скотт устраивает с Куинном борцовские состязания на полу. Любит играть. И так нежен с ним. Я и не подозревала, что он способен на это.

«Интересно, каким отцом будет Габриель?» – думала Джулия, слушая слова Тэмми.

– Жду не дождусь, когда у нас родится девочка, – с улыбкой призналась Тэмми. – Скотт будет носиться с ней, как с принцессой.

– Вы хотите еще детей? – удивилась Рейчел.

– Да. Думаю, нам вполне хватило бы двоих, но, если снова родится мальчик, я сделаю еще одну попытку родить девочку.

Их разговор был прерван появлением Скотта. На руках у него дремал Куинн, которому через три месяца должно было исполниться два года. Кивнув женщинам, Скотт подошел к Тэмми:

– По-моему, ему пора спать.

Джулия улыбнулась контрасту: рослый, плечистый Скотт заботливо держал на руках золотоволосого ангелочка.

– Я тебе помогу. – Тэмми встала, поцеловала мужа, и они втроем пошли наверх.

Рейчел вспомнила о десерте:

– Отнесу-ка я нашим мужчинам по кусочку.

Она нарезала пирог, разложила по тарелкам и понесла их в гостиную.

Дайана вертела в руках пустую чашку, поглядывая на Джулию.

– Дорогая, можно с тобой поговорить?

– Конечно, – ответила Джулия, поворачиваясь к Дайане.

– Не знаю, как сказать. Ладно, скажу как умею. Я провожу много времени с твоим отцом.

– Так это же здорово, – подбодрила ее Джулия.

– Он познакомился с моей матерью и другими родственниками. Он даже начал ходить со мной по воскресеньям в церковь. Я там пою в хоре.

Ее отец ходит по воскресеньям в церковь. Ну и ну!

– Когда отец спросил, может ли он приехать с тобой на мою свадьбу, я поняла, что у вас серьезные отношения.

– Я его люблю, – прошептала Дайана.

– Да ну? – У Джулии округлились глаза. – А он об этом знает?

– Конечно. Он меня тоже любит. – Дайана смущенно

улыбнулась. – Мы с ним говорили о будущем. Строили планы...

– Так это же чудесно.

– Ты так думаешь?

Темные глаза Дайаны внимательно смотрели на Джулию.

– Я счастлива, что у моего отца появилась женщина, которая его любит. Не хочется упоминать имени Деб. Ты знаешь, они долгое время были вместе, а совместной жизни не получилось. Честно говоря, я не воспринимала их как пару.

Дайана молчала, словно обдумывая услышанное.

– Мы с твоим отцом говорили о том, чтобы... по-настоящему. Насовсем. Но ты знай: когда это произойдет, я не буду пытаться занять место твоей мамы.

Джулия сжалась:

– Шарон не была мне мамой.

– Прости, если что не так сказала. – Дайана взяла ее за руку.

– Вряд ли отец рассказывал тебе о ней. Если и рассказывал, то немного.

– Я его и не расспрашивала. Зачем будить прошлое? Когда мужчина захочет, сам расскажет.

Джулия молча прихлебывала остывший кофе. Ей было тягостно говорить и даже думать о родной матери. Шарон умерла, когда Джулия училась в выпускном классе. Ее мать была алкоголичкой и большую часть времени вообще не помнила о существовании дочери, а когда вспоминала, ни-

чего, кроме ругани и побоев, Джулия от нее не видела.

– Своей матерью я считала Грейс. Она была мне ближе, чем Шарон.

– Грейс была замечательной женщиной. – В глазах Дайаны читалась надежда, смешанная с легким беспокойством.

– Я ничуть не возражаю, если ты станешь моей мачехой. И когда вы определитесь с датой свадьбы, я обязательно приеду.

– Дорогая, ты не просто приедешь на свадьбу. Ты будешь одной из подружек невесты. – Дайана крепко обняла Джулию. – Я всегда хотела семью, – призналась она, вытирая слезы. – Хотела мужа, свой дом. Ну вот, дожила до сорока, и мои мечты начинают исполняться. Я тревожилась. Думала: как-то ты к этому отнесешься. Я люблю твоего отца. Не думай, что мне нужны его деньги.

Джулия недоуменно посмотрела на нее. Они обе засмеялись.

– Дайана, ты шутишь. У моего отца никогда не было денег.

– Он прекрасный человек. У него есть работа. Я с ним счастлива. Когда женщина находит мужчину вроде твоего отца, она держится за него и не волнуется о деньгах.

Джулия не успела ответить. В кухню вошел Том. Увидев мокрые глаза Дайаны, он шагнул прямо к ней:

– В чем дело? – Пальцы Тома осторожно смахнули слезы со щек Дайаны.

– Дайана рассказывала мне, как сильно тебя любит, – со-

общила Джулия, одобрительно глядя на отца.

– Неужели? – хриплым, не своим голосом произнес Том.

– Хоть ты и не просил, но я благословляю ваш брак, – сказала Джулия.

Глаза Тома встретились с глазами дочери:

– Неужели? – уже мягче произнес Том, обнял их обеих и поцеловал каждую в макушку. – Девочки вы мои, – прошептал он.

* * *

Вскоре Том и Дайана распростились и уехали. До этого Джулия думала, что Дайана несколько раз в неделю ночует в доме ее отца. Оказалось, что нет, и делается это из уважения к матери Дайаны, с которой она вместе живет.

Теперь понятно, почему Дайана так торопится выйти замуж и жить своим домом.

* * *

После десерта Ричард Кларк ушел на заднее крыльцо, где расположился с сигарой и виски. Был прохладный, тихий вечер. Стоило закрыть глаза, и он видел, как из кухни выходит его жена Грейс и садится в глубокое кресло рядом с ним.

Тяжесть сдавила ему сердце. Никогда уже Грейс не сядет

рядом.

– Как ты?

Ричард открыл глаза. Рядом с ним сидела его невестка Джулия. Сидела, подобрав ноги под себя. От вечерней прохлады ее защищал один из старых кашемировых свитеров Габриеля.

Ричард переложил сигару в левую руку и передвинул пепельницу, чтобы дым не шел в сторону Джулии.

– Я в лучшем виде, – сказал он. – А ты как?

– Тоже.

– Обед был просто потрясающим, – признался Ричард. – Сплошные деликатесы.

– Я попыталась приготовить кое-что из блюд, которые мы ели в Италии. Рада, что они тебе понравились.

Джулия откинулась на спинку кресла, глядя в темное небо.

Ричард сделал очередной глоток виски. Чувствовалось, Джулию что-то тревожит, но вызывать ее на откровенный разговор он не хотел и потому молчал.

– Ричард.

Он усмехнулся:

– Помнится, мы договаривались, что ты будешь называть меня папой.

– Конечно, папа. Прости.

Ноготь Джулии оставил бороздку на мягком дереве подлокотника.

– Не надо извиняться, Джулия. Мы же одна семья. И если тебе что-то понадобится, я всегда рядом.

– Спасибо. – Она провела пальцем по свежей бороздке. – Тебя не раздражает, что внутри дома мы кое-что поменяли?

Ричард ответил не сразу.

– Ванная давно нуждалась в ремонте. Очень хорошо, что вы сделали две дополнительные: на первом этаже и в хозяйской спальне. Грейс бы очень понравились перемены на кухне. Она столько лет просила меня о гранитных столешницах на разделочных столах.

У Джулии сжалось сердце.

– Но очень многое мы оставили в прежнем виде.

– Перестань волноваться. Будь Грейс с нами, она бы тоже включилась в обновление дома.

– А тебе удобно в гостевой комнате? Вдруг у тебя пропало желание пожить здесь?

– Спасибо за заботу. Мне все равно, в какой комнате остановиться. Печально лишь то, что Грейс уже никогда не вернется. Боюсь, это чувство сохранится у меня навсегда. – Ричард посмотрел на свое простое обручальное кольцо. – Знаешь, здесь мне иногда кажется, что я слышу ее голос, а мои ноздри ловят аромат ее духов. В Филадельфии я такого не чувствую. Моя квартира не хранит памяти о ней. – Он улыбнулся сам себе. – Когда я здесь, разлука с нею ощущается не столь сильно.

– Это так больно?

– Да.

Джулия представила свое состояние, если бы она вдруг потеряла Габриеля. Это была бы не жизнь, а существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.